

7. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. Т. 18. № 20 (115). С. 45-61.

8. Черткова Е. Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В. А. Лекторский. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 156-187.

С.В. Мышкин

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СВЕТЕ ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОБЩЕСТВА

(Самарский государственный аэрокосмический университет)

С точки зрения, которую принято называть обывательской, современный мир, его картина, его политические и культурные ландшафты, его социальные модели – естественны и находятся в имеющемся состоянии благодаря стихийному развитию событий и обстоятельств. Этопозиция находит свое логическое завершение в бытовом нигилизме, который в отличие от нигилистических концепций и течений 19 и 20 вв., имеет массовое распространение и овладевает все большим количеством людей вне зависимости от их социального положения, интеллектуального и духовного развития. Единственным смыслом бытия большинства становится жизнь в круге первичных, базовых, бытовых интересов, а такие предметные области как политика и геополитика, религия, философия, мораль и надындивидуальные коллективные ценности провозглашаются отвлеченными и граничащими с патологиями развлечением праздных умов. Так, в современном мире человек окончательно теряет свои первоизданные творческие способности и превращается: «Бывает такая болезнь – поперечный миелит – когда оказывается пораженным нерв истории. Это приводит к угасанию традиции. Деяния отцов могут тогда жить только в спектакле, в трагедии, но не в повседневной практике» [1. С.190].

Для внимательного наблюдателя, успевшего понять, что в основе любого порядка вещей лежат идеи и способ их реализации, подобная удручающая картина перестает быть чем - то естественным и незыблемым. Анализируя это положение, такой наблюдатель обнаруживает себя в эпицентре господствующей и всеобъемлющей либеральной парадигмы мирового развития.

Ключевым моментом в формировании этого порядка, безусловно, является Французская буржуазная революция, которая в мировом масштабе спровоцировала развитие принципиально новых (относительно всей предыдущей человеческой истории) экзистенциальных, политических и философских концепций. В современной историографии эти установки принято называть идеологиями. В политологии и философии политики выделяют три основных типа

идеологий: либеральные, социалистические (левые) и консервативные (правые).

Эти идеологии достигают в 40-е гг. XX в., во время Второй Мировой войны. Однако единственной идеологией, сумевшей выжить и претендовать на абсолютное мировое господство, после крушения СССР стала либеральная идеология, традиционно транслируемая рядом западных стран во главе с США. Вследствие этого политические и духовные институты большинства стран мира (даже вопреки декларируемой приверженности традиционным ценностям и моделям управления), оказались под радикальным влиянием либеральной идеологии, которую один из лидеров Консервативной революции Эрнст Юнгер охарактеризовал так: «Свойственная демагогам навязчивая идея равенства, которая еще опаснее, чем жестокость людей в генеральских мундирах» [1. С. 251].

В этом контексте поиск политической и философской альтернативы становится неизбежным для любого, не являющегося сибаритом и эскапистом мыслящего человека, желающего выйти из состояния пассивности прорваться к своим возможностям, стать одним из полноценных участников жизненных процессов: «Остались редкие люди, которым благодаря своей – до той или иной степени осознанной – принадлежности другому миру, образно говоря, удалось выстоять среди руин в атмосфере всеобщего разрушения. Остался небольшой отряд, который, похоже, готов продолжать сражаться даже на потерянных позициях, и пока он не сдастся, не идет на компромиссы, искушаемый возможностью близкого, но, по сути, иллюзорного успеха, его существование служит лучшим подтверждением нашим словам» [2].

Анализ многочисленного количества индивидуальных способов выхода за пределы сложившейся социально-политической матрицы слишком объемнен и не представляет исследовательского интереса. Также и поиски альтернативы в уже фактически отживших свое левой и правой парадигмах мирового развития представляются содержательными только с точки зрения приобретения дополнительного интеллектуального инструментария, помогающего очерчивать и обозначать недостатки и уязвимые места существующего порядка вещей.

Наиболее пристального внимания и интереса заслуживает Консервативная революция – последовательное политическое течение, совмещенное с детально разработанной системой философских взглядов. Уникальность Консервативной революции, помимо ее содержательной полновесности, определяется ее *недискредитированностью* (в отличие от обозначенных выше парадигм) в реальной жизни, в политическом и социальном поле. Рассматривая Консервативную революцию как объект исследования, мы рассматриваем один из вариантов мирового развития, сохранившийся в абстрактном, зародышевом состоянии. Это отмечает Э. Юнгер в своем эссе «Уход в лес»: «Все, что развертывается сегодня в технической силе, это лишь мимолетное мерцание из сокровищниц бытия. Если человеку удастся пусть даже на неизмеримые мгновения войти в них, то он добудет себе уверенность: временное не только утратит угрожающее, а будет казаться ему разумным» [3.]

Термин «революционный консерватизм» впервые вводится в оборот русским философом Ю. Ф. Самариним. В широком смысле это течение охватывает весь спектр независимых и не связанных друг с другом европейских философов, критически относящихся к Французской буржуазной революции, ее последствиям и проповедующих идеи радикального и умеренного традиционализма. Здесь наиболее яркими персоналиями являются Ю. Ф. Самарин, Рене Генон и Юлиус Эвола. В более узком, специальном значении под консервативной революцией понимается существовавшее в первой половине XX в. объединение немецких философов, из которых стоит отметить родоначальника немецкой школы геополитики Карла Хаусхофера, юриста и философа Карла Шмитта, писателя Эрнста Юнгера.

Наибольший исследовательский интерес вызывают фигуры К. Шмитта и Э. Юнгера. Именно им удалось последовательно и взвешено разработать принципы Консервативной революции, не перейдя грань между идеей возврата к традиционному обществу и эпатажем экзотической архаикой, возведенной в прием представителями того же течения Ф. Хильшером и Ю. Эволой. В отличие от русских философов – традиционалистов Самарина, Хомякова, Леонтьева, логическим основанием традиционализма которых являются нерелефторные, религиозно-мифологические установки, Юнгер и Шмитт выстраивают логичное и рациональное осмысление возврата к традиционному обществу, что придает их фигурам и интеллектуальному наследию дополнительный интерес в глазах исследователя.

Идеи Консервативной революции стоят в оппозиции не только к либеральному миру и либеральным идеям. Столь же опасным противником, с точки зрения идей Консервативной революции и традиционализма, является любое идейное наследие Французской революции, нашедшее свою реализацию в доведенных до логического завершения лозунгах свободы, равенства и братства, либо в радикальной, правой оппозиции этим лозунгам. Подобная оппозиционность часто создает этический диссонанс через игру контрастов, ведь если не свобода то рабство, если не равенство, то диктатура, если не братство, то война. Однако подобные контрасты поверхностны. Свобода, лишенная ориентиров, равенство, разрушившее естественные связи, и братство, превратившееся в одинаковость – таковы черты нового мира, мира обозначенного Э. Юнгером в качестве мира техники. Человек, живущий в этом мире, полностью утрачивает личностные черты, глобальный контекст бытия и осознание автоматического характера собственной жизни. «Даже когда посещаешь большие города через короткие промежутки времени, в глаза всякий раз бросается нарастание автоматического характера. Примечательно, что в равной степени возрастает ощущение летаргического сна, отсутствия, выпадения из мира. Читаешь это по лицам отдельных людей, наблюдая, как циркулируют массы, с каким видом сидят за рулем шоферы. Кажется, что в сущности своей они лишены даже малейшей капли сознания, хотя форма говорит об обратном» [4.С. 99].

Консервативная революция – это не только и не столько возврат к традиционному укладу жизни и формам управления (не случайно ни один из фило-

софов – консерваторов не указывает на временную дату предполагаемого расцвета традиционного общества), сколько духовная революция, предполагающая коллективный возврат к своим корням, к первобытному, мифическому, интуитивному способу освоения мира и выживания в мире, освоение доставшихся по наследству инструментов из кладовой собственного духа, воскрешение собственной природы, которая даже в условиях тотального государства делает одиночку победителем.

Интересно возможное участие идей консервативной революции и традиционализма в одной из перспектив развития человечества, получившей название трансгуманизма. Параллельно с разработкой новых форм и возможностей физического бытия, трансгуманизм поднимает этические и нравственные вопросы. Возможно ли сохранение личности человека вне его тела, способен ли человек становиться самим собой, минуя онтогенез, возможна ли жизнь в мире, лишенном его биологических ландшафтов?

Прогнозы неутешительные. «Кризисы, которые переживает современное общество, — экологический, экономический, политический, культурный, — это следствие глубокого духовного кризиса, в который человечество загнало себя во второй половине XX века» [6. С. 188] - в этих условиях окончательный отрыв от корней, выход из биологической матрицы, не подкрепленный традиционными ценностями и способами взаимодействия с миром приведет к катастрофе, превращению человека в автотрофа, с каждым новым поколением отдаляющимся от своей природы и превращающимся в бессмысленно функционирующий механизм который, конечном итоге обречен стать лишь симулякром человека. «Я стою в телефонной будке после конца света. Могу звонить куда хочу и сколько хочу. Неизвестно, выжил ли кто-нибудь еще кроме меня или мои звонки – просто монологи сумасшедшего. Иногда звонок короткий, словно трубку сняли и бросили; иногда он длится долго, словно кто-то слушает меня с нечистым любопытством. Нет ни ночи, ни дня; у ситуации нет и не может быть конца. Добро пожаловать в вечную жизнь»[7. С. 7-8].

Подобное развитие событий возможно лишь «до тех пор, пока средний массовый человек вовлечен в антипросветительские идеологические системы, не видит монументальной истории позади себя и глобального будущего впереди себя» [6. С.189].

Такая массовая потеря реальных ориентиров в обществе, связанная с виртуализацией жизни и превращением ценностных категорий в симулякры – состояние, уже сейчас имеющее тенденцию к постоянному ухудшению, а ситуация полного, коллективного погружения в виртуальную, сверхтехнологическую реальность возможна уже в недалеком будущем. В этом свете идеи консервативной революции предстают в наиболее выгодном свете – именно радикальный синтез высоких технологий и традиционных способов освоения мира и бытия в мире, которые содержат в себе идеи консервативной революции, в перспективе представляется наиболее эффективным способом выживания и существования, к которому, возможно, однажды придется обратиться любому человеку, желающему сохранить свою личность и свободу.

Литература

1. Юнгер Э. Эвмесвиль. М., 2013.
2. Эвола Ю. Оседлать тигра. URL: http://thelib.ru/books/evola_yulius/osedlat_tigra-read.html (дата обращения: 13.05.14).
3. Юнгер Э. Уход в лес. URL: <http://coollib.net/b/242302> (дата обращения: 13.05.14).
4. Юнгер Э. Сады и дороги. М., 2008.
5. Шмитт К. Понятие политического. <http://www.politizdat.ru/>
6. Нестеров А.Ю. Проблема человека в свете идеологии эволюционного трансгуманизма // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013.
7. Уэльбек М. Возможность острова. М., 2006.

А.Ю. Нестеров

ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ

(Самарский государственный аэрокосмический университет)

Трансгуманизм – это термин, производный от введенного в англоязычный обиход переводчиком «Божественной комедии» Данте Генри Фрэнсисом Кэри прилагательного *transhuman*¹, обозначающий сейчас набор мировоззренческих установок, связанных с улучшением биологических свойств человека за счет технологического прогресса. Содержательно «трансгуманизм» подразумевает анализ границ человеческого в естественнонаучном, нравственном, эстетическом измерениях с целью обнаружения путей их качественного преодоления.

В онтологическом плане трансгуманизм определяется стремлением найти продуктивную модель описания и преобразования человека средствами современной науки – и тем самым оказывается в ситуации диалога с традиционными конфессиями и естественнонаучным материализмом; в гносеологическом плане ставится задача качественного расширения спектра познания человека и возникает требование понимания эволюционных механизмов, разработки теории и методологии качественного преобразования человека; в аксиологическом плане ставится задача осмысления качественно новой системы ценностей и экзистенциальных смыслов, обозначения требований высокой этики постсингулярного этапа развития цивилизации; в праксеологическом плане утверждается необходимость создания социального субъекта, способного реализовать трансгуманистическую систему ценностей.

В обширной литературе по трансгуманизму это направление во многом рассматривается как способ постановки целей, научно-технологическая реали-

---

¹ Paradiso, Canto I, 70.